

ЛУЖАЙКИНА МЕСТЬ

сборник рассказов

*Эта книга —
Дону Карпентеру¹*

¹ Дон Карпентер (1931–1995) — американский писатель и киносценарист, друг и соратник Ричарда Бротигана, Шела Силверстина и др. *Здесь и далее примечания переводчиков. Переводчики благодарят за поддержку Фаину Гуревич.*

ЛУЖАЙКИНА МЕСТЬ

Моя бабушка — по-своему, разумеется, — сияет маяком в бурной ночи американского прошлого. Она была бутлегершей в одном захолустном округе штата Вашингтон. А кроме того — весьма представительной женщиной: ростом под шесть футов, и свои 190 фунтов веса носила так, как подобало оперным дивам начала 1900-х. Занималась она преимущественно бурбоном — тот выходил немного неочищенным, но здорово освежал во времена закона Волстеда¹.

Конечно, никаким Аль Капоне² в юбке она не была, но ее бутлегерские подвиги в тех краях, как говорится, служили просто рогом изобилия баек и рассказов. Много лет она держала всю округу на коротком поводке. Бывало, каждое утро к ней заглядывал сам

¹ Закон Волстеда был принят в октябре 1919 г. с целью принудительного проведения в жизнь положений 18-й поправки о «сухом законе» вопреки вето президента Вудро Уилсона. Вводил меры контроля за запретом на производство, продажу и перевозку алкогольных напитков. Назван по имени инициатора — конгрессмена-республиканца от штата Миннесота Эндрю Джозефа Волстеда (1860–1947). Отменен в 1933 г. после ряда поправок, вызванных трудностями применения закона на практике.

² Альфонс Габриэль Капоне (точнее Кэпоун, 1899–1947) — американский гангстер и предприниматель, один из главарей преступного мира Америки в 1920–30-х гг.

шериф — с отчетом о погоде и видах на кладку не-сушек.

Могу себе вообразить, как она с ним разговаривала:

— Что ж, шериф, надеюсь, вашей матушке скоро по-лучшеет. Да я и сама на той неделе застудилась так, что горло болело. До сих пор вот носом шморгаю. Переда-вайте, мол, я велела кланяться — пускай в гости заходит, как следующий раз в наших местах окажется. А ежели вам вон тот ящик, так забирайте сразу, или я вам его са-ма пришлю, как только Джек с машиной вернется... Нет, даже не знаю, пойду я в этом году на бал пожарников или нет, но вы же знаете, что я к пожарникам завсегда со всей душой. Ежели вы меня там сегодня вечером не увидите, так мальчонкам и передайте. Нет, я, конечно, постараюсь, да вот простуда меня никак не хочет отпу-скать. Каждый вечер так и лезет, так и лезет...

Моя бабушка жила в трехэтажном доме, который даже по тем дням считался древним. Перед домом рос-ла груша, уже сильно подмытая дождями. А все оттого, что много лет перед домом не было лужайки.

Штакетник, окружавший лужайку, тоже давно ис-чез, и люди подъезжали на своих машинах напрямик к крыльцу. Зимой весь двор перед домом превращался в трясину, а летом затвердевал, как скала.

Джек, бывало, материл этот двор, словно тот был живой тварью. Джек — это мужчина, проживший с моей бабушкой тридцать лет. Он не был мне дедом. Он был итальянцем, который однажды пришел к ней по доро-ге. Джек ходил от дома к дому и продавал участки во Флориде.

Он торговал мечтой о вечных апельсинах и сол-нышке в тех краях, где люди жевали яблоки и часто шли дожди.

Джек заглянул к моей бабушке, чтобы продать ей участок буквально в двух шагах от центра Майами, а че-рез неделю уже развозил по округе ее виски. Задержался на тридцать лет, и Флорида продолжала цвести без него.

Двор перед домом Джек ненавидел, ибо считал, что двор лично против него что-то замышляет. Когда Джек пришел по дороге, перед домом была очень красивая лужайка, но он пустил ее псу под хвост. Не только поливать ее отказывался, но и вообще как бы то ни было за ней ухаживать.

И теперь земля там стала такой твердой, что летом у Джека моментально покрышки спускало. Двор всегда находил гвоздик, чтобы воткнуть ему в шину, а зимой, когда начинались дожди, машина постоянно тонула по самую крышу.

Лужайка принадлежала моему деду, который весь конец жизни провел в приюте для душевнобольных. Она была его гордостью и радостью. Про это место говорили, что от него у деда вся сила.

Мой дедушка был мелким вашингтонским мистиком, и в 1911 году предсказал точную дату начала Первой мировой войны: 28 июня 1914 года. Но это оказалось для него чересчур. Он так и не смог насладиться плодами своих трудов, поскольку в 1913-м его упрятали, и семнадцать лет он провел в психиатрической лечебнице штата Вашингтон, полагая, что сам он — еще ребенок, а на дворе — 3 мая 1872 года.

Он считал, что ему шесть лет, день стоит пасмурный, и скоро пойдет дождь, а его мама печет шоколадный торт. Для моего дедушки 3 мая 1872 года оставалось до самой его смерти в 1930 году. Шоколадный торт пекся семнадцать лет.

От дедушки осталась фотография. Я очень на него похож. Единственная разница — во мне больше шести футов росту, а он едва достигал пяти. Он смутно догадывался, что чем меньше он ростом, чем ближе будет к земле и своей лужайке и тем точнее сможет предсказать точную дату начала Первой мировой войны.

Жалко, что война началась без него. Если б он только мог растянуть свое детство еще на годик, если б не соблазнился шоколадным тортом, все мечты его сбылись бы.

но работала у себя в винокурне, нагрузила суслом тачку и вывалила ее на передний двор.

А у нее вокруг дома бродила стайка белоснежных гусей. Жили они в гараже, где машину не держали с тех самых пор, как появился Джек, торговавший своими видами на будущее во Флориде.

У Джека имелось некое понятие о том, что машине очень неправильно иметь собственный дом. Думаю, он почерпнул это где-то в Старом Свете. Ответ излагался на итальянском — это был единственный язык, на котором Джек говорил о гараже. Обо всем остальном он говорил по-английски, а о гараже — только по-итальянски.

Вывалив сусло под грушу на переднем дворе, бабушка вернулась к своему перегонному кубу в подвале, а гуси собрались вокруг сусла и завели дискуссию.

Видимо, они пришли к общему приемлемому решению, поскольку все разом начали это сусло поедать. Они ели сусло, а глаза их все разгорались и разгорались, и голоса становились все громче и громче по мере того, как сусло получало все более высокую их оценку.

Через некоторое время один гусь сунул голову в сусло и забыл ее оттуда вытащить. Другой гусь неистово загоготал и попробовал встать на одну лапу, показывая, как У.К. Филдз¹ изобразил бы аиста. В таком положении он продержался около минуты, после чего рухнул на собственное хвостовое оперение.

Бабушка обнаружила их вокруг сусла — они лежали в тех же позах, в каких попадали на землю. Похоже, их всех скосило пулеметным огнем. С высоты своего оперного великолепия бабушка решила, что они мертвы.

Отреагировала на это она просто — общипала всех, а лысые трупы сложила в тачку и укатила ту в подвал. Чтобы устроить всех поудобнее, пришлось совершить пять ходок.

¹ Уильям Клод Дьюкенфилд (1880-1946) — американский комический актер.

Она сложила гусей возле куба, как дрова в поленницу, и стала дожидаться Джека, чтоб тот избавился от них, но при этом один гусь остался бы на ужин, а от продажи остальной стаи на городском рынке получилась хоть маленькая, но прибыль. Покончив с винокурением, бабушка отправилась наверх вздремнуть.

Примерно через час гуси стали приходить в себя. Похмелье их было сокрушительным. Они все уже как бы встали на ноги, хотя было незачем, когда кто-то один вдруг обнаружил, что на нем нет ни единого перышка. Он и остальным сообщил об их состоянии. Отчаянью их не было предела.

Нетвердым шагом, уныло свесив головы на грудь, вся компания выбралась из подвала. Когда Джек въехал во двор, гуси бестолково толпились под грушей.

Как только он увидел кучку облысевших гусей, вероятно, в его памяти снова ожил тот случай, когда пчела ужалила его в рот. Потому что Джек, как полоумный, немедленно выхватил изо рта сигару и отшвырнул от себя что было силы. По этой причине рука его была вынуждена пробить ветровое стекло. Такой поступок стоил ему тридцати двух швов.

А гуси стояли в сторонке под грушей и, точно беспомощная, примитивная американская реклама аспирина, тарацились на то, как Джек таранит своей машиной бабушкин дом во второй и последний раз в двадцатом веке.

* * *

Первое, что я помню в своей жизни, произошло на дворе перед бабушкиным домом. Год был 1936-й или 1937-й. Я помню, как какой-то мужчина — наверное, Джек, — спилил грушевое дерево и облил его керосином.

Даже для первого воспоминания в жизни это выглядело странно: смотреть, как человек выливает гал-

лон за галлоном керосин на дерево, что растянулось по земле футов на тридцать, а потом поджигает его. Ведь на ветках еще висели зеленые груши.

КИНОХРОНИКА ПРО КОТТОНА МЭЗЕРА¹ В 1692 ГОДУ

О ведьма Такомы, штат Вашингтон, 1939 год, где ты теперь, когда я до тебя дорастаю? Когда-то моему телу хватало детского пространства, а в дверях открывался большой смысл и они были почти как люди. В 1939 году открыть дверь кое-что значило, а дети насмеялись над тобой, потому что ты была сумасшедшая и жила одна в мансарде — через дорогу от нас, сидевших в канаве, как два трущобных воробья.

Нам было по четыре года.

А тебе было почти столько же, сколько мне теперь, и дети вечно дразнили тебя и кричали вслед: «Чокнутая! Бежим! Бежим! Ведьма! Ведьма! Не смотри ей в глаза! Она на меня посмотрела! Бежим! Спасите! Бежим!»

Я со своим длинным хипповым хайром и странной одеждой скоро стану как ты. В 1967 году я на вид примерно так же безумен, как ты в 1939-м.

Маленькие дети визжат мне: «Эй, хиппи!» в утреннем Сан-Франциско, как мы визжали: «Эй, чокнутая!», когда ты брела сквозь такомские сумерки.

Наверное, ты привыкла, как привык я.

В детстве я всегда покупался на «слабó». Скажи, что мне слабó сделать то или это, — и я сделаю. Бр-р!

¹ Коттон Мэзер (1663–1728) — теолог, политик, фанатик-пуританин, глава Салемского суда, в 1692 г. инициировал многочисленные судебные процессы против ведьм.